

Хелен Грейнджер сделала глоток свежесваренного кофе, откинулась на спинку стула и жалобно вздохнула. Было около десяти утра в среду, и она наконец-то смогла провести десять минут в тепле своей оранжереи. Она провела большую часть утра, работая с грудой бумаг, которые, казалось, никогда не становились меньше, несмотря на все ее усилия, и решила, что ей пора на короткий перерыв. Она и ее муж Саймон вносили последние штрихи, чтобы, наконец, открыть свою новую стоматологическую практику, и количество документов, созданных для достижения этой цели, было просто невероятным.

И совершенно ненужный! Гермионе есть за что ответить.

Она укоряла себя за недостойную мысль, но не могла сдержать укол обиды, которую испытывала из-за последствий действий дочери, и задавалась вопросом, пройдет ли когда-нибудь это чувство по прошествии достаточного количества времени. Она все еще любила Гермину — ничто и никогда этого не изменит, — но в данный момент они с Саймоном с трудом могли простить ее за ее одностороннее решение стереть их воспоминания и отправить их на другой конец света. Интеллектуально она понимала, почему Гермину так себя вела, но ее эмоциональная сторона все еще мучилась от чувства предательства. Гермину лишила их права решать и при этом поступила так же, как некоторые ведьмы и волшебники, которые считали немагических людей не более чем животными. Когда она указала на это Гермионе, ее дочь просто смялась.

Иногда правда может ранить.

Но Хелен Грейнджер была прагматиком и знала, что правду нельзя отрицать; что для того, чтобы преодолеть этот разрыв в их семье, она, Саймон и Гермину должны были быть абсолютно честными друг с другом. Она подозревала, что ее дочь все еще должна была прийти к этому пониманию и что она не была полностью откровенна с тех пор, как восстановила их воспоминания и привела их домой. Только когда она это сделала, могла быть хоть какая-то надежда на истинное примирение.

Хелен закрыла глаза, позволив своим мыслям блуждать. Она обнаружила, что эта техника очень эффективна, помогая ей получить доступ к своим воспоминаниям, и обнаружила, что с каждым днем вспоминает все больше и больше. Всякий раз, когда она обсуждала эту тему со своим мужем, она понимала, что они оба почти полностью восстановили воспоминания, которые Гермину заблокировала. Хотя это облегчило бы преодоление чувства предательства, она знала, что брешь никогда не заживет полностью, пока Гермину полностью не поймет, почему ее действия были такими неправильными. Она снова вздохнула, задаваясь вопросом, совершит ли когда-нибудь такой прыжок ее дочь, какой бы блестящей она ни была.

Хелен откинулась назад и позволила себе на несколько мгновений забыть о своих проблемах, вместо этого просто наслаждаясь тишиной, теплом и чудесным ароматом свежесваренного кофе.

Ее момент покоя был внезапно разрушен, когда входная дверь открылась с такой силой, что с громким грохотом врезалась в стену.

'МАМА! ПАПА! ТЫ ДОМА? ВЫ В ПОРЯДКЕ?'

Хелен узнала бы этот голос где угодно, но никогда еще она не слышала, чтобы ее дочь говорила с такой паникой и страхом. Она поставила кофейную чашку на стол и встала как раз в тот момент, когда Гермiona ворвалась в оранжерею. Она взглянула на маму, поняла, что цела и невредима, и тут же разрыдалась, бросившись в мамины объятия, ее тело содрогалось от сильных, мучительных рыданий облегчения.

Сбитая с толку, Хелен просто обняла дочь и подняла глаза, когда черноволосый молодой человек с самыми поразительными зелеными глазами, которые она когда-либо видела, вошел в комнату за спиной Гермiony, в его выражении было странное сочетание облегчения, беспокойства и нервозности. . Она сразу узнала личность этого молодого человека и страстно желала поговорить с ним с тех пор, как вернулась из Австралии.

Гарри Поттер.

Она не одарила его приветственной улыбкой и не позволила своему замешательству, вызванному внезапным поворотом событий, отразиться на ее лице. Вместо этого она просто обняла дочь, глядя на Гарри, и только отвела взгляд, когда в комнату вошел ее муж Саймон с выражением шока и недоумения.

'Что, черт возьми, здесь происходит?' — сердито спросил он.

Хелен подавила улыбку. Саймон никогда не был самым хитрым человеком и имел склонность сразу переходить к делу.

— Мистер Грейнджер? — спросил Гарри, протягивая руку. «Я Гарри Поттер».

Саймон Грейнджер проигнорировал предложенную руку и вместо этого подошел к жене и дочери. — Я не спрашивал, кто вы, мистер Поттер. Я спросил, что, черт возьми, здесь происходит, — рявкнул он.

Хелен должна была признать, что она была впечатлена тем, что Гарри никак не отреагировал ни на пренебрежение, ни на гневный тон Саймона. Она знала, что ее муж частично винил Гарри в том, что с ними произошло, и, если быть честной с собой, она тоже злилась на него. Она смотрела, как Гарри опустил протянутую руку и открыл рот, чтобы ответить на требовательный вопрос ее мужа, но прежде чем он успел произнести хоть слово, Гермiona опередила его.

"Папочка! Не смей так говорить с Гарри! — закричала она, вырвавшись из объятий Хелен и встав между ними и Гарри. Хелен была ошеломлена тем, как свирепо выглядела ее дочь, несмотря на слезы, катившиеся по ее щекам, и она заметила, что Саймон тоже выглядел пораженным и не на шутку обиженным той силой, с которой их дочь защищала свою подругу. Этот испуганный взгляд вскоре сменился гневом, и она затаила дыхание, когда Саймон

выглядел так, словно он вот-вот взорвется. Она знала, что Гермиона унаследовала свою упрямую сторону от отца, и встала между ними, опасаясь, что один из них может сказать что-то в гневе, из-за чего их разрыв станет постоянным.

— Мы думали, что ты мог быть мертв.

Это было сказано тихо, но мягкие слова Гарри тут же успокоили ситуацию. Хелен почувствовала, как у нее во рту бьется сердце.

'Какая?' — спросила она дрожащим голосом. Она переводила взгляд с дочери на Гарри, ища смысл в его словах.

— Мы думали, что ты мог быть мертв, — повторил Гарри. Он посмотрел Саймону прямо в глаза, прежде чем повернуться, чтобы сделать то же самое с ней. Пока он это делал, она заметила, что Гермиона все еще стоит между ними, как львица может защищать своих детенышей, и что она смотрит на отца так, как будто он был ее заклятым врагом.

— Миссис Грейнджер, мистер Грейнджер, я знаю, что вам нелегко. Сейчас у нас нет времени все объяснять, но мы это сделаем, обещаю. Он надул щеки, прежде чем продолжить. «Сегодня утром вашей жизни угрожала реальная угроза. Вам нужно уехать отсюда прямо сейчас для вашей же безопасности. Нам нужно доставить вас в безопасное место.

Хелен в отчаянии закрыла глаза.

Не снова. Пожалуйста, Боже, только не снова.

— Никаких шансов, — ответил Саймон Грейнджер, все еще с нотками гнева в тоне. «Мы только что обосновались в этом новом доме, в этой новой жизни. Нас выселили раньше благодаря вам, мистер Поттер. Мы больше не будем.

— Папочка, пожалуйста, — прошептала Гермиона, и боль и страх в ее голосе заставили обоих родителей Грейнджер замолчать.

'Пожалуйста послушайте меня. Нам. Это не вина Гарри. Вам обоим сейчас угрожает реальная опасность. Нам нужно доставить вас в безопасное место. Я объясню больше, когда мы это сделаем.

— Расскажите нам сейчас, — неожиданно ответила Элен. — Расскажи нам все прямо сейчас.

«Я не могу. У нас нет времени.

— Тогда мы с твоим отцом никуда не поедem.

'Но вы должны! Вы должны доверять мне!

Хелен с удивлением заметила, что Гарри вздрогнул от этих слов, но пока не обращала на это внимания. — Ты достаточно долго держала нас в неведении, Гермиона. Мы с твоим отцом больше не можем верить тебе на слово.

— У тебя нет выбора, — ответил Гарри. Хелен оцетинилась при этих словах и заметила, что Саймон делает то же самое.

Как смеет этот незнакомец указывать нам, что делать в нашем собственном доме.

— Мистер Поттер, я... — строго начала Хелен.

— У нас действительно нет времени, — твердо сказал Гарри, перебивая ее. «Даю вам слово, что мы расскажем вам все позже, но если вы не уедете прямо сейчас, позже может не быть».

Хелен была ошеломлена страстностью его тона и серьезностью в глазах. Ее убедили его очевидная страсть и искренность. — Вы нам все расскажете? она спросила.

'Мы будем.'

'Гарри! Мы не можем! — воскликнула Гермиона. — Это слишком опасно. В ее голосе была настоящая нотка паники. Хелен видела, как суровое выражение лица Гарри смягчилось, и он посмотрел на ее дочь с такой нежностью и любовью, что ей показалось, что она вот-вот расплачется.

— Гермиона, мы должны сказать им, — мягко ответил он. Он облизнул губы, прежде чем продолжить. «Всю мою жизнь люди держали меня в неведении, отказывались сообщить мне информацию, которую мне нужно было знать. Сказал мне доверять им, — многозначительно добавил он. — Нас всех чуть не убили. Люди не любят, когда их не контролируют и не доверяют секреты. Они твои родители. Они заслуживают знать. Если вы хотите, чтобы они доверяли вам, вам нужно доверять им, — тихо добавил он.

Хелен смотрела, как лицо Гермионы меняется на осознание и принятие, когда его слова доходят до нее, и в этот момент Гарри Поттер завоевал себе метафорическую медаль в ее глазах. Она смотрела, как Гарри ободряюще обнял ее дочь, прежде чем Гермиона повернулась к ним лицом.

— Пожалуйста, — повторила она. — У нас сейчас нет времени. Что-то случилось, и нам нужно доставить вас в безопасное место. Как только мы это сделаем, у нас с Гарри будет несколько дел на сегодня, но я обещаю вам, как только мы закончим, мы присоединимся к вам и все объясним».

Хелен подняла бровь. 'Полное раскрытие?' Она смотрела, как ее дочь повернулась к подруге с вопросом в глазах. Гарри лишь кивнул.

— Полное раскрытие, — согласилась Гермиона. — Даю слово. Наше слово.

— В таком случае нам с твоим отцом нужно кое-что собрать, — легкомысленно сказала Хелен.

— Тебе есть куда идти? — спросил Гарри. «Где-то, где никто в волшебном мире не сможет найти?»

— Да, — коротко ответил Саймон, при этом глядя на Гарри глазами. «Моя тетя Джейн оставила нам пляжный коттедж, когда скончалась. Мы почти никогда туда не заходим, и если Гермиона никому об этом не упомянула, никто в вашем мире не узнает, где она находится. По его позе было ясно, что Саймон Грейнджер был недоволен ни внезапным поворотом событий, ни присутствием человека, которого он винил во всех своих бедах.

— Я никогда никому не говорила, — прошептала Гермиона, явно расстроенная поведением отца, но в данный момент не в силах ничего с этим поделать.

— Тогда нам есть, где спрятаться, — ответила Элен, при этом выдавив из себя улыбку. — Пошли, Саймон. Нам нужно кое-что упаковать.

И с этим комментарием она схватила мужа за руку и вытащила его из комнаты, прежде чем кто-либо успел сказать что-то еще, о чем они могли бы пожалеть. Она ненадолго закрыла глаза и попыталась смахнуть слезы, которые вот-вот должны были наступить.

Она не видела, как ее дочь рухнула в объятия бойфренда, слезы разочарования, отверженности, страха и печали текли по ее щекам.

У Гарри Поттера было мрачное выражение лица, когда он шел рука об руку с Гермионой по коридору Хогвартса, ведущему в подземелье зелий профессора Слагхорна. Он воспользовался моментом, чтобы взглянуть на свои часы и заметил, что сейчас почти половина второго, и он молча выругался, поскольку знал, что им еще нужно выполнить ряд задач, прежде чем истечет крайний срок Грейбека.

They had only just finished getting the Granger's beach cottage set up and secured and he had felt a chill as he had watched Hermione cast the very familiar protection charms that they had used while on the run in the tent.

В общем, потребовалось больше времени, чем предполагалось, чтобы родители Гермионы благополучно устроились в своем безопасном месте, и это не было приятным процессом. Хотя он полностью понимал, почему Саймон и Хелен Грейнджер были расстроены из-за того, что их жизнь снова внезапно перевернулась с ног на голову из-за событий в Волшебном мире, он не

мог не злиться на них за то, что они причинили Гермионе такие страдания. В частности, ее отец очень усложнил ситуацию своим гневным позированием и тонко завуалированными нападками на них двоих, и с каждым едким комментарием он видел, как Гермiona явно увядает. Было несколько моментов, когда Гарри ловил себя на том, что держит язык за зубами, чтобы не ухудшить ситуацию.

По правде говоря, после одного особенно ехидного комментария ему больше всего хотелось врезать кулаком в сердитый толстый рот Саймона Грейнджера. Но отец Гермионы был проблемой, с которой нужно было разобраться позже. Прямо сейчас они должны были обеспечить исследования Гермионы по зельям.

В то время как безопасность родителей Гермионы явно была их главным приоритетом, исследование зелий, безусловно, было вторым в этом списке, тем более что их секрет вот-вот должен был быть раскрыт. Гермiona была убеждена, что стоит на пороге крупного прорыва, который позволит им контролировать свою ликантропию. Объединив исследования Снейпа, опыт Слагхорна и ее собственный маггловский подход к обратному инжинирингу процесса, они теперь мучительно приблизились к созданию того, что, по сути, должно было стать лекарством от ликантропии.

Вот почему он оказался у двери в лабораторию зелий профессора Слагхорна с расшитой бисером сумкой Гермионы на плече. Из вежливости он постучал в дверь и подождал.

'Заходи!' — крикнул знакомый голос профессора Слизнорта. Гарри открыл дверь и провел Гермиону в лабораторию.

«Ах! Гарри мой мальчик. И мисс Грейнджер. Рад видеть вас обоих. Слизнорт поморщился. «Мрачные времена, Гарри. Мрачные времена. Минерва уже сообщила мне новости, — добавил он, жестом указывая на присутствие директрисы в лаборатории. — Мне жаль вас обоих.

Гарри подтвердил слова кивком. Они уведомили Минерву, пока Грейнджеры торопливо собирали вещи, и сообщили ей об их встрече с Грейбеком и последствиях этой встречи. Это был неприятный разговор, и директриса даже не пыталась сдержать свой гнев на них за встречу с Сивым, не предупредив ее заранее. К счастью, она наконец, кажется, успокоилась и теперь смотрела на них обоих скорее с беспокойством, чем с раздражением.

— Я думала предупредить Горация, что вы скоро приедете, — начала директриса. — Я предполагал, что мисс Грейнджер захочет взять с собой свои исследования, учитывая обстоятельства. Гораций все готовил для вас обоих.

— Спасибо, профессор, — ответила Гермiona. «Я очень сожалею об этом. Из всех вещей, о которых, как мы думали, Грейбэк хотел поговорить с нами, мы даже не подумали об этом.

— Как он узнал?

— Рон и Джинни говорили о нас в Хогсхеде, — ответил Гарри.

Губы Минервы МакГонагалл так сжались при этом откровении, что Гарри подумал, что она их проглотила. «Это прискорбно, — ответила она. «Теперь я сожалею, что сообщил им о вашем нынешнем положении. Я ожидаю, что они оба придут в ближайшее время. Мои извинения.'

Проклятие! Гарри подумал про себя. Рон и Джинни были последними, кого он хотел сейчас видеть, и по внезапному напряжению, которое он почувствовал со стороны Гермионы, он понял, что она разделяет это мнение.

— Что ж, надеюсь, мы успеем собраться и убраться отсюда до того, как они придут. Я не особенно хочу видеть их в данный момент. Я просто хочу добраться до нашего убежища.

— Вы идете прямо туда? — спросила Минерва.

— Нет, — ответил он. — Мы собираемся увидеть Кингсли.

Оба профессора удивленно подняли брови.

— Это разумно? — спросила Минерва.

— Наверное, нет, — ответил Гарри. — Но, похоже, в данный момент моя мудрость не слишком востребована. Он вздохнул. — Я просто не хочу видеть его ослепленным. Грейбек что-то замышляет, и я думаю, что у него может быть поддержка в Министерстве. Новости в любом случае будут сегодня позже — мы просто хотели предупредить Кингсли, чтобы он не был совсем не готов».

Директриса, казалось, на мгновение задумалась над его словами. — Я думаю, что неразумно идти сегодня в министерство. Вас увидят, и когда появятся новости, люди сделают очевидный вывод, что вы сообщили Кингсли. Вы поставите его в невыгодное положение, так как его враги нападут на него, если он не арестует вас обоих за отказ от регистрации. Оставьте это мне, — сказала она, направляясь к двери. Прежде чем уйти, она повернулась к ним лицом. — Не уходи, не зайдя ко мне. Понял?'

И Гарри, и Гермиона понимающе кивнули, благодарные за проницательность своего учителя. Они обменялись взглядами, понимая, что ситуация выходит из-под контроля, а также понимая, что они ничего не могут с этим поделать. Каждый чувствовал страх и неуверенность в другом, и каждый извлекал из этого странное утешение.

Что бы ни случилось, они были вместе.

Рон Уизли вошел в вестибюль Хогвартса и глубоко вздохнул. Он повернулся к сестре и понял, что она нервничает так же, как и он. С ними связалась директриса и коротко сообщила, что

секрет Гарри и Гермионы раскрыт и что они готовятся бежать. Она также сообщила им, что они посетят замок, чтобы собрать некоторые вещи, прежде чем они это сделают, и что он и его сестра могут увидеть их, прежде чем они скроются.

Все произошло с такой скоростью, что он едва успел переварить всю информацию. Только теперь, когда они прибыли в Хогвартс, они наконец осознали всю чудовищность того, что произошло.

Секрет Гарри и Гермионы был раскрыт.

Больше всего беспокоило то, что у него было довольно хорошее представление о том, как был раскрыт их секрет, и по выражению лица Джинни он мог сказать, что она тоже пришла к такому же выводу.

Хогсхед. Джинни, должно быть, подслушали в Хогсхеде.

Он горячо надеялся, что ошибся, что утечка произошла из какого-то другого источника.

Или, если я прав, что Гарри и Гермиона никогда не узнают!

Именно в этот момент он услышал, как двое его друзей поднимаются по лестнице, ведущей из подземелий, и вскоре они стали видны друг другу. Он заметил, что Гарри нес сумку Гермионы, расшитую бисером, и пришел к выводу, что они хранили в ней все исследования зелий. Внезапно его поразило осознание того, что может пройти некоторое время, прежде чем он снова увидит двух своих друзей, и он почувствовал, как у него сжалось горло от этой перспективы.

'Гарри! Гермиона! — закричала Джинни, и Рон был впечатлен ее собранностью; как нормально она звучала. Он наблюдал, как двое его друзей отреагировали на зов, и их головы повернулись в унисон.

Их глаза сузились в узнавании.

Дерьмо.

— Рон, Джинни, — коротко сказала Гермиона, и Рон понял; действительно знал, что все будет ужасно. Он решил стиснуть зубы.

— Мы слышали, — просто сказал он.

Рон увидел, как Гарри коротко кивнул, и ему пришло в голову, что он ничего не говорит, потому что пытается держать себя в руках. Последовала долгая и неловкая тишина, пока

Гермиона наконец не прервала ее.

— Кто из вас это сделал? она спросила. — Грейбек сказал нам, что вас подслушивали в Хогсхеде. Кто из вас не мог держать рот на замке?

Рон был уязвлен этим замечанием, но знал, что оно оправдано. Он просто смотрел в пол и ждал.

— Это была я, — тихо ответила Джинни. — Я не это имел в виду! Я был расстроен из-за Гарри... после того, как мы поговорили. Я был пьян, а в зале было только два человека. Я сказал это только один раз, а потом Рон остановил меня и отвел домой. Мне очень жаль», — добавила она.

«Извините, не сходится. Не в этот раз, — резко ответила Гермиона. Рон увидел, как Джинни удивленно моргнула, услышав резкий ответ.

— Но это был несчастный случай! Джинни заплакала. «Я бы никогда не сделала ничего, что могло бы навредить Гарри. Я ло... я слишком уважаю его.

— И все же мы здесь, Джинни. Повредить. И в бегах. Ваше вмешательство, ваша безжалостная и нежелательная погоня за Гарри привели нас сюда.

'Это не правда! Ты тот, кто превратил его в оборотня! Это ваша вина!'

'Как ты смеешь!' ответила Гермиона. «Ваше глупое вмешательство в чужие отношения привело к этому! У меня не было выбора стать оборотнем. Ты решила сыграть с нами свою глупую шутку в надежде, что это позволит тебе стать ближе к Гарри. Вы решили открыть свой толстый рот о нашем состоянии в месте, где любой мог вас подслушать! Что ж, кто-то вас подслушал и побежал прямо к Сивому! Наши жизни разрушены!

— Потому что ты прокляла его! Это все твоя вина!

'Достаточно! Достаточно, Джинни!'

Рон наблюдал, как Джинни и Гермиона повернулись к Гарри, причем лицо первой было шокировано резким тоном Гарри.

— Хотел ты этого или нет, но ты раскрыл наш секрет, — продолжил Гарри более тихим голосом. В результате нам с Гермионой придется скрываться, пока мы не решим, что будем делать. Какое-то время ты нас не увидишь, и, наверное, сейчас это к лучшему».

— Но, Гарри...

— Я еще не закончил, Джинни, — перебил Гарри. Ему потребовалось время, чтобы собраться. «Хотя Гермионе, конечно же, не нужно, чтобы я сражался за нее в битвах, я просто хочу абсолютно ясно дать понять, что в том, что случилось со мной, нет ее вины, и я буду спорить со всеми, кто говорит иначе. В том числе и ты, так что, наверное, к лучшему, что мы не будем видеться какое-то время. Ты проявляешь невероятное неуважение к Гермионе, и я этого не потерплю. И она тоже. Он пренебрежительно взглянул на часы. 'Нам нужно идти.'

Рон вздрогнул, понимая, что события развиваются слишком быстро, чтобы он успевал за ними. 'Куда ты идешь? Смогу ли я связаться с вами?

Гарри посмотрел на него, и Рон увидел печаль в его глазах. — Боюсь, я не могу тебе сказать, Рон.

— Ты мне не доверяешь?

— Конечно, я тебе доверяю, приятель. Но это "надо знать". Только я, Гермиона и ее родители будут знать.

'Ее родители?'

— Сивый угрожал им, Рон, — объяснила Гермиона. Она снова настроилась на Джинни, ее глаза сверкнули. — Их жизнь была в опасности, потому что Сивый узнал о нас. Им приходится скрываться вместе с нами, и они недовольны этим. Тот небольшой прогресс, которого я добился с ними, был уничтожен этим».

Джинни ничего не ответила на это и посмотрела себе под ноги, избегая ядовитого взгляда Гермионы.

— Прости, Рон, но нам действительно нужно идти. Он протянул руку. 'Береги себя. Надеюсь, все это скоро закончится».

Рон почувствовал странный комок в горле, когда пожал руку Гарри. Он улыбнулся Гермионе и получил от нее строгий кивок в ответ. Было ясно, что она не считает его ответственным за свое затруднительное положение, но было также ясно, что Гарри и Гермиона были в ярости на Джинни. По правде говоря, он не мог их винить.

Он смотрел, как двое его лучших друзей поднимаются по лестнице к кабинету профессора МакГонагалл, и задавался вопросом, когда же он снова их увидит. Что-то подсказывало ему, что все станет еще хуже, прежде чем станет лучше.

Если они поправятся.

Когда Гарри приблизился к каменной горгулье, охранявшей кабинет директора, он был

удивлен, увидев, что вход на лестницу распахнулся без необходимости вводить пароль. Крепче сжав руку Гермионы, он повел их вверх по лестнице, зная, что им предстоит довольно неприятный разговор. Когда они подошли к двери кабинета профессора МакГонагалл, ему потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя, прежде чем постучать.

'Заходи!' — сказал знакомый голос директрисы.

Он открыл дверь и не удивился, увидев, что к Минерве присоединился Кингсли Шеклболт, министр магии. Что действительно заставило его вопросительно поднять бровь, так это присутствие Артура Уизли, и Гарри поймал себя на том, что расплывается в мягкой улыбке при виде друга и союзника. Хотя он знал, что Кингсли был порядочным человеком, он чувствовал себя в гораздо большей безопасности, зная, что Артур Уизли должен был участвовать в этом разговоре. Артур был одним из лучших людей, которых он знал.

«Добрый день, Гарри; Гермиона, — сказал Кингсли с улыбкой.

«Привет, Кингсли. Спасибо, что пришли, — мягко ответил Гарри. — Боюсь, у нас мало времени, но есть кое-что действительно важное, что вам нужно знать.

— Что-то, что вы не смогли мне рассказать в Министерстве? — спросил Кингсли, вопросительно приподняв бровь. «Меня удивила просьба Минервы, но я доверяю ее мнению. Так же, как я доверяю твоему.

Гарри кивнул, но не знал, с чего начать. По напряженной позе Гермионы он мог сказать, что ей тоже очень неловко раскрывать их секрет. Он также подозревал, что Гермиона беспокоится, что Кингсли и Артур обвинят ее в их затруднительном положении. Гарри расслабился, внезапно сообразив, как действовать дальше.

— Ты помнишь, что в ту ночь, когда мы победили Волдеморта, Сивый был активно вовлечен в битву?

Кингсли просто кивнул, слегка нахмурившись, когда задавался вопросом, куда Гарри клонит.

— Вам также может быть известно, что Сибэк был замечен в ту ночь в обеих формах?

Кингсли нахмурился еще больше. До него доходили слухи об этом, но они не принимались во внимание. «Я слышал сообщения, в которых упоминалось об этом, но я не придавал этому значения. Обе формы? Это невозможно. В ту ночь не было даже полной луны.

«Мы тоже так думали, но нет сомнений, что он был там в ту ночь в обеих формах».

— Как ты можешь быть так уверен? — с сомнением спросил Кингсли.

— Потому что... — начал Гарри, не зная, как лучше сказать это, защищая Гермиону. Он чувствовал ее страдание, и ему было больно это чувствовать. «...потому что его присутствие там той ночью напрямую привело к тому, что я и Гермиона были прокляты ликантропией. Мы оба оборотни, Кингсли.

Тишина, последовавшая за этим объявлением, была глубокой, и Гарри обнаружил, что приближается к Гермионе, получая утешение от ее присутствия и понимая, что она тоже черпает утешение от него.

Кингсли, наконец, нарушил молчание, и его заслуга в том, что его первые слова были сказаны о двух его юных друзьях.

— Мне жаль вас обоих. Так жаль это слышать. Министр закрыл глаза, словно от боли, прежде чем продолжить. «Мое положение требует, чтобы я попросил вас об этом; почему я узнаю об этом только сейчас? Почему я только сейчас узнаю, что Сивый нашел способ трансформироваться, когда еще не полнолуние? Гнев звучал в голосе министра, и Гарри понял, что не может его винить.

Но у него были свои причины.

«Потому что каждое решение, которое мы принимали, было принято с осознанием того, что у нас в Министерстве очень много врагов, Кингсли, — ответил Гарри. — Потому что мой первый долг — перед Гермионой, а ее — передо мной. И потому, что когда я спросил об оборотнях в Норе, ты сказал, что ничего не можешь сделать. Изменилась ли эта ситуация с тех пор, как мы в последний раз разговаривали? — многозначительно спросил он.

Кингсли поморщился. — Ты знаешь, что нет, Гарри. Во всяком случае, после атак Сивого стало еще хуже.

— Вот почему мы никогда не говорили тебе. Честно говоря, единственная причина, по которой я говорю вам сейчас, это то, что Грейбэк собирается слить новости в СМИ позже сегодня. Я хотел дать вам хоть какое-то уведомление, потому что подозреваю, что из этого будут какие-то последствия.

'Выпадать? Выпадать? Люди сойдут с ума из-за этого, Гарри! Вы оба оборотни? Сивый на свободе и министерская толпа, жаждущая крови оборотня и моей головы на палке?

— Прости, Кингсли.

— Не говоря уже о том, что Сивый, похоже, придумал способ изменяться по своему желанию! Тебе не приходило в голову, что мне нужно это знать? Что это больше, чем ты и Гермиона? Кингсли продолжил.

— Нет, не так, — ответил Гарри, и в его голосе прозвучала стальная нотка. «Гермиона и я отдали все этому гребаному обществу, а оно продолжает обращаться с нами обоими как с дерьмом. Он по-прежнему хочет получить от меня свой фунт плоти и продолжает смотреть свысока на Гермиону, потому что ее родители не волшебники. Мне это надоело. Мы устали от этого. Я не включаю в это тебя, Кингсли, и тебя, Артур, но мы ничего не должны волшебному миру. Я дал все, что я готов дать. Я эгоистичен. Мой приоритет — защитить Гермиону, и я думаю, что она относится ко мне так же».

— Да, — вмешалась Гермиона. 'Точно так же.'

— Итак, мы рассказали вам то, что вам нужно знать. Мы оборотни. Грейбэк на свободе, и он опаснее, чем когда-либо. Он что-то задумал. Он этого не осознавал, но к этому моменту Гарри уже практически кричал на министра.

— Мы понимаем, Гарри, Гермиона, — мягко прервал Артур. 'Действительно; мы понимаем. Вы двое прошли через так много. Мне очень жаль, что до этого дошло. Каковы ваши планы? Что ты будешь делать сейчас? Можем ли мы чем-нибудь помочь?'

'Помощь?' — сказал Кингсли. — Я должен их арестовать! — добавил он, но в его тоне не было уверенности.

— Мы все знаем, что ты не собираешься делать этого, Кингсли, — пренебрежительно ответил Артур, — поэтому нам нужно решить, что мы собираемся делать.

Кингсли закрыл глаза, принимая правду, сказанную Артуром. Гарри и Гермиона были самыми лучшими людьми. Их чувство чести и честности олицетворяло все, за что он выступал и чего хотел достичь на посту министра, и он никоим образом не собирался бросать их под рыцарский автобус, чтобы спасти свою политическую шкуру.

'ХОРОШО. Перво-наперво; тебе есть где спрятаться? В безопасном месте? — наконец спросил министр.

— Да, но я не скажу, где, — ответил Гарри.

— Я и не ожидал. Нужно знать, верно? — ответил Кингсли. — По крайней мере, это неотложная проблема. Что мы знаем о Грейбэке? Как он это делает?

— Мы думаем, что знаем, Кингсли, — ответила Гермиона. — Мы думаем, что он использует зелье, разработанное профессором Снейпом. Мы работаем над решением».

— Какое решение? — спросил Кингсли.

— Тот, у которого есть потенциал вылечить нас, — тихо ответила Гермиона. «Северус Снейп

был гением, и мы нашли его исследование. Мы думаем, что он создал зелье по приказу Волдеморта, чтобы оборотни могли быть более опасными. Профессор Слагхорн и я воспроизвели зелье, и я использовал маггловские техники, чтобы реконструировать процесс и, следовательно, эффекты. Я близко. Очень близко.'

Шок на лицах Артура Уизли и Кингсли Шеклболта был изображением, которое Гарри запомнил на всю оставшуюся жизнь. Обыденность, с которой Гермиона сообщила эту новость, делала ситуацию почти комичной.

'Ты серьезно?' Наконец Артуру удалось спросить. — Думаешь, у тебя есть лекарство от ликантропии?

— Думаю, я очень, очень близка, — ответила Гермиона. — Мне просто нужно немного больше времени. Она посмотрела прямо на Кингсли. — Мне нужно, чтобы ты дал мне еще немного времени. Я знаю, что это разоблачает вас политически, но мне нужно больше времени.

— Забудь о моей карьере, — ответил Кингсли. — Это лекарство гораздо важнее. Я могу чем-нибудь помочь?

— Только не вмешивайся. Пойдем и поработаем над этим, — ответила она. — Ты сражаешься в Визенгамоте. Я буду драться в лаборатории Зелий. Вместе мы сможем это сделать».

— Но берегись, Кингсли, — вмешался Гарри. — Грейбэк что-то замышляет. Я просто не знаю, что.

— Я тоже, Гарри, — ответил Кингсли. «Я думаю, что ему помогали внутри Министерства, но, ради любви к Мерлину, я не могу понять, почему, и не могу даже предположить, какова его конечная цель».

— Он сказал нам, что хочет равенства, — сказал Гарри.

— Тогда в этом еще меньше смысла, — сказал Кингсли. — Он никогда не добьется равенства, нападая на невинных. Оборотням нужно доказать, что они могут жить так же, как и мы, чтобы убедить достаточное количество людей поддержать их. Во всем этом нет никакого смысла, — повторил он с явным разочарованием в голосе.

— Ну, это вам решать, министр, — сказал Гарри. Он взглянул на часы. — Мне очень жаль, но у нас нет времени. Нам нужно идти.'

Кингсли и Гарри обменялись долгими взглядами. — Мне тоже жаль, Гарри. Он протянул руку сначала Гарри, а потом Гермионе. «Удачи вам обоим», — добавил он и увидел, как двое подростков повернулись, чтобы попрощаться с Артуром и Минервой.

— Он тебе понадобится, — прошептал он.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539923>